

© 2012 г. М.А. Бородовская

УДК 101

ТЕМА ЖЕЛАНИЯ И НАСЛАЖДЕНИЯ В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

Тема наслаждения и желания является центральной для постмодернизма, причем не только в философии, но и в искусстве, и вообще в самой современной социокультурной практике. Постмодерн как некое состояние социума, культуры и мышления может быть определен как поиск смыслов в том, что уже не нуждается в собственном познавательном раскрытии или конструировании, а лишь только в поверхностном «считывании» «форм», в наслаждении движения по мягким и почти всегда возбуждающим контурам реальности. Все крупные фигуры постмодернистской мысли (Ж. Батай, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Лакан, Р. Барт, Ф. Гваттари, Ф. Лиотар, Ж. Деррида и др.) так или иначе пытались нащупать пульс эпохи, как-то означить, прописать сложившуюся ситуацию индивида, получившего «в частную собственность» свободу, но тем самым утратившего предметную соотносительность с инстанциями культуры и естественной чувственной жизни.

Согласно постмодернизму жадно алчущий и наслаждающийся субъект – это то, что пришло на смену субъекту волящему и тем более – субъекту разумному и абсолютному. Пространство такого его ангажированного устремления выступает фактически единственным «остатком» после крушения всех возможных форм и миров того уровня, который Делез и Гваттари назвали «молярным». Реальность превратилась в *текст*. И с этим текстом можно поступать *как угодно*. В том числе переворачивать его и читать с конца, представляя знаки и целые пласты. Характеризуя ситуацию постсовременности, отечественный исследователь Л.А. Мирская пишет: «вопрос заключается в использовании нехудожественных текстов культуры, для того чтобы сказать желание. Эти тексты создаются средствами массовой коммуникации, рекламой, товарными знаками, а также образами искусства. Сама культура понимается как текст в самом широком смысле слова. Текст, понятый как мировая рамка, является гетерономным сплетением знаков и дискурсивных практик,

культурных кодов и нарративов, различных языков, следов, прививок и законов. В зону текста культуры включаются не только вербальные тексты, но и видеокоды – языки живописи, архитектуры, рекламы, кино, языки техносреды и массовых коммуникаций. Текст анонимен, динамичен, открыт для любых генераций смыслов без цели и центра. В нем дезавуируется историческое время и создается воображаемый континуум, в котором исторические реалии играют роль цитат и декораций» [1, с.245].

Единственной точкой напряжения такой реальности и выступает желание наслаждения. Ибо просто нет никакого иного модуса-критерия собственной означенности или присутствия в такой континууме. Как верно подчеркивает М. Эпштейн, «Постмодернизм – это *эросемиотика*, почти чувственное наслаждение знаками, текстами, всей условностью цивилизации, ее отчужденными формами, это негация присвоения чужого и отчуждения своего, перебирания цитат и стилей, закавычивания своих слов и раскавычивания чужих. Вдруг обнаружилось, что весь мир поверхностен, в него не нужно вторгаться, мучить, менять, преобразовать – достаточно его касаться, гладить» [2, с. 119].

Если Маркс, Ницше и Фрейд выражали собой некий общий по модернистской тональности бунт против культуры, цивилизации (то ли в ее экономическом, то ли в ценностном измерениях), то постмодернизм есть *рассказ* про человека, относящегося к культуре не конструктивистски. Он именно позиционирует себя как желающего утоления своей жажды наслаждения и, прямо скажем, получает это наслаждение сполна. Естественно, что тому прекрасно способствует и техническое вооружение современника в самом широком аспекте. Современная жизнь фактически лишена глубины опыта. Она вся полностью лежит на поверхности, она вся неприлично обнажена. В ней не осталось никакой тайны. Все ее предметное и знаковое содержимое служит лишь одной цели – быть ощутимым в *этой* своей данности, быть прямолинейно потребленным. Каждый ее знак отсылает к другому, не оставляя шансов попыткам удовлетвориться окончательно. «Постмодернизм – это негация означающих, забывших об означаемых. “Реальный” мир рассеивается, как метафизический сон, а глубина хочет распластаться, стать поверхностью, чтобы полнее облечь собой, обласкать. “Наслаждающаяся”, нежащая сторона постмодерна – это не когда мы вторгаемся в чужую культуру, чтобы обнаружить нечто сокровенное в ней, а когда мы прилегаем к ней кожей своей культуры, смешиваем цитаты,

комбинируем образы, сплетаем пальцы, создаем пастиши, перебегаем пальцами от одного изгиба к другому, ласкаем поверхность этой чужой культуры, обнаруживая теплое, надышанное пространство между ней и собой. Зоркость познающего зрения и похоть зрения вожделеющего уступают поверхностной мудрости осязания. Постмодернизм усиливает интерес к наружной развернутости вещей, их “коже”, а значит, повышает роль осязания в культуре. Понятие “кожи”, “эпителия”, “поверхности” становится важным для гуманитарных дисциплин и культурных практик» [2, с. 120-121]. Этой современной наслаждающейся культуре Жан Бодрийяр справедливо еще в 1976 году вынес диагноз «тактильный мистицизм» [3, с. 136].

Одним из первых авторов, кто вслед за психоанализом объявил стремление человека к максимальному удовольствию фундаментальнейшим свойством был Жорж Батай. Причем для него (и уже в отличие от врача Фрейда) сам разговор об удовольствии и эротическом желании не является таким онаученным объективирующим исследованием. Сам автор теперь уже словно пребывает в этом томящемся и жаждущим разрешения желании. Сам его текст (и это будет свойственно практически всем постмодернистам) как бы говорит «Я хочу...», «Я желаю...». Батай именно «игру желания», стремлению к исступляющему дикому наслаждению кладет в основание опыта человека в его специфической «человечности». Причем эта игра неотделима от факта осознания собственной смертности. Человек не следует слепо простым инстинктам, как это делают все животные. Начало собственно человеческой истории Батай связывает именно с таким дистанцированием от простого удовлетворения инстинкта и стремлением к получению наслаждения как такового, что по времени приходится на верхний палеолит. «Люди, достигнув в труде сознания преследуемой цели, вообще отделились от чисто инстинктивного удовлетворения своего влечения, ибо они могли определить его смысл.

Для людей, первыми осознавших его, целью сексуальной деятельности не могло быть рождение потомства, ее целью было немедленное удовольствие. Следуя инстинкту, — отмечает философ, — мужчина и женщина могли объединяться для прокормления потомства, но в пределах животного мира подобное объединение имеет смысл лишь после рождения потомства. Однако произведение на свет детенышей не было вначале сознательной целью. Вначале, когда совокупление стало отвечать сознательной воле, целью его

было удовольствие, целью его была сила, мощь удовольствия. В пределах человеческого сознания сексуальная деятельность отвечала рассудочному поиску сладострастного исступления. И в наши дни еще некоторым архаичным племенам неведома связь между сладострастным совокуплением и рождением детей. Совокупление влюбленных или супругов имело вначале лишь один смысл - смысл эротического желания: эротизм отличается от животной сексуальной импульсивности тем, что он в принципе, так же как и труд, есть сознательное преследование цели; эротизм есть сознательное искание сладострастия» [4, с. 282]. Именно эротизм как «расчетливый поиск наслаждения» составляет главную отличительную особенность человеческого существа. Этот поиск обладает колоссальной силой и энергетикой, способной свести человека с ума, лишить его разума. «Сущность человека, как она дана в его сексуальности - которая есть исток и начало человека, – ставит перед ним проблему, разрешение которой ведет к безумию. Образ этого безумия дан в наивысшем эротическом переживании, в эротическом экстазе, оргазме, властно, наподобие смерти, лишаящем человека разума» [4, с. 272].

Для всего постмодерна очень характерно, более того, составляет его сущностное отличие, не просто акцентуация подспудных человеческих влечений к наслаждению. Понятно, что сегодня сама жизнь современника наполнена растущим с каждым днем многообразием предметов, созданных специально для доставления человеку удовольствия. Созданных как специфический товар. Но постмодернистская мысль постоянно подчеркивает стремление принципиально расширить горизонт удовольствия. Перевести его с традиционного языка нарастающего поэтапно желания и затем разрешающего удовлетворения и последующего угасания. Для постмодерна такое толкование желания слишком примитивно и выражает собой, как показывает в своем анализе дискурсивных практик Мишель Фуко, скорее не освобождение человеческой энергетике (прежде всего, конечно, сексуальной), а наоборот ее изоощренную форму порабощения. Для постмодерна сексуальная революция вовсе не есть свидетельство наступившего «царства свободы» желания, полномасштабного раскрытия всей его мощи и прыти. Как отмечает Фуко, «если мы возьмем пример с сексуальностью, то несомненно, что потребовалось определенное количество форм освобождений по отношению к власти самца; что потребовалось освободиться от угнетательской морали, которая касается как гетеро-

сексуальности, так и гомосексуальности; но такое освобождение не позволяет достичь счастливого бытия, наполненного такой сексуальностью, когда субъект достигнет полноты отношений. Освобождение открывает целое поле для новых отношений власти, и речь идет о том, чтобы контролировать их всеми практиками свободы» [5, с. 244-245].

Очень четко ритм постмодернистского желания нащупал и выразил Ролан Барт. Рассматривая культуру как «текст» философ показывает, что же нам именно доставляет удовольствие в процессе чтения такого текста (как в прямом, так и в переносном *играющем* смысле). Во-первых, никакой монотонности и геометрической правильности! Самые острые сладострастные мгновения нам дарят «складки», зазоры, вдруг открывающиеся потаенные места, отдельные фрагменты, пикантные подробности. Словом, все то, что не вписывается в обычный «монолог», что присутствует на грани изломов и радикальных изгибов, что открывается в различии, а не в тождестве, что ломает любую монополию смысла (причем как авторского, так и читательского). Ни что не предзадано, все принципиально открыто и заманивает своей возбуждающей полупонятностью, полудоступностью. Простой стриптиз, подчеркивает Барт, вовсе не доставляет настоящего наслаждения. Такой доступный текст страдает смысловой нищетой. В нем «отсутствует явление разрыва, разошедшихся краев; есть только процесс последовательного обнаружения; все возбуждение сводится к нетерпеливому ожиданию...» [6, с. 468]. Не говоря это напрямую, Барт фактически показывает путь, который прокладывает само себе алчущее желание, которое уже не в состоянии утолить свой голод просто тем, что само естественным образом предполагает собственное поедание. Для такого непомерно жадного желания утоление означает непрерывное следование собственному растущему аппетиту и изощренности. Утоление себя в буйстве порыва! Не случайно Людмила Мирская подчеркивает, что такое современное желание для собственного выражения требует порочных (нередко извращенных) форм [1]. В унисон звучит и идея Ирины Жеребкиной о желании *такого желания* избегать фаллической означенности и фаллического ритма наслаждения [7].

Тотальность такого желания не опосредуется ни данностью авторского смысла, ни простым последовательно раскручиваемым смысловым рядом. «Такой зазор, – пишет Барт, – имеет сугубо функциональное происхождение; он не

принадлежит структуре повествовательных текстов, а рождается уже в процессе их потребления; автор не способен предугадать возникновение подобных зазоров, поскольку вовсе не желает писать то, чего не станут читать» [6, с. 469]. «Текст-наслаждение – это текст, вызывающий чувство потерянности, дискомфорта (порой доходящее до тоскливости); он распатывает исторические, культурные, психологические устои читателя, его привычные вкусы, ценности, воспоминания, вызывает кризис в его отношениях с языком» [6, с. 471].

Таким образом, для постмодерна фактически единственной истинной реальностью оказывается именно желание наслаждения. В этом модусе человек есть протест против самого себя, против классических канонов тождественности и линейности. Но этот протест не следует толковать в духе Маркса, Ницше или Фрейда. Это не бунт, который следует логике бинарных оппозиций. Это не обходной маневр. Это наслаждение сплошной текучестью и податливостью. Такая вязкая тактильность форм в своем считывании доставляет максимум удовольствия и возбуждения. Желание удовольствия в постмодернизме достигается не в опыте стремления к нему, а вопреки всякому опытному строению. Подлинное удовольствие мы получаем, минуя сознательные целеполагающие процедуры и собственные мысли, а сталкиваясь с мыслями *самого желания*, с его прихотью и экзальтированной аффективностью.

Желание наслаждения не может быть утолено там, где нечто предметно выражено и объектно закреплено. «Оно не подчиняется ни логике разума, ни логике чувства; удовольствие – это сдвиг, дрейф, нечто революционное и в то же время асоциальное; право на него не может быть закреплено ни за одним коллективом, ни за одним типом ментальности, ни за одним идиолектом... Не трудно заметить в нем оттенок скандальности, но не потому что оно безнравственно, а потому, что оно атопично» [6, с. 479]. В сущности эту же мысль проводят Делез и Гваттари в своем известном «Анти-Эдипе», когда показывают различие между молекулярным и молярным уровнями и что «машины желания» оказываются часто в тисках социальных машин. Постоянно растущее давление желания на общество приводит в свою очередь к шизофренизации культуры. Подлинно человеческое существование невозможно там, где оно отчуждено от желающего желания.

Именно господство идущего из самых глубин желания определяет жизнь человека и социума в целом. Желание по сути, как отмечают Делез и Гватта-

ри, бессознательно. Различая два типа коллективного существования человека – шизоидальный и параноидальный, авторы размежевывают желание в его аутентичной безудержности и опять-таки алчности и сознательно конструируемые интересы. В последнем случае проявляется «молярный» (социально обусловленный) уровень существования. Для него мыслители находят объяснение в недрах капиталистического способа производства. Освобождение желания не следует поэтому трактовать в терминах социальной революции, которые есть не что иное как изнаночная форма той же самой власти капитала. «Единственный субъект — это само по себе желание на теле без органов», [8, с. 239] – так Делез и Гваттари определяют действительно свободного человека, который должен быть ни кем иным как *шизо*. Именно желание и создает реальность человеческого бытия. Желание не следует рассматривать как некую потребность в каком-то предмете, объекте или даже субъекте. Для авторов «Капитализма и шизофрении» желание самодостаточно и есть некая первичная инстанция эго. *Сущность желания есть производство самого желания*. Поэтому главную цель своего шизоанализа (который, по их мнению, должен сменить психоанализ) философский тандем видел как раз в освобождении желания. Сам Делез в своих более поздних работах («Критика и клиника») рассматривал литературный текст как такое «производство желания» [9, с. 15-18]. Ему вторит и Ю. Кристева, для которой создание текста и само произведение существует еще до системы означивания (наложения правил интерпретации) и есть «работа», «делание» [10, с. 115-117]. Впрочем, эта же идея прописана и у Деррида.

Разумеется, глядя с рационалистических позиций и даже с позиции здравого смысла, трудно согласиться с той постановкой вопроса, которую мы видим в постмодернизме. Обратившись к желанию и наслаждению как фундаментальным потребностям человека, представители постмодернизма чрезвычайно их гипертрофировали и упростили. Однако критика и полемика с постмодернистами, которые на сегодняшний день уже стали прошлым интеллектуального сообщества, – тема другой, отдельной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мирская Л.А., Пигулевский В.О.* Сказать желание // Рациональное и внерациональное: грани проблемы (сборник статей). Ростов н/Д, 2002.
2. *Эпштейн М.Н.* Философия тела. СПб., 2006.
3. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000.
4. *Батай Ж.* Из «слез Эроса» // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994.
5. *Фуко М.* Этика заботы о себе как практика свободы // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3.
6. *Барт Р.* Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
7. *Жеребкина И.* «Прочти мое желание...» Постмодернизм, психоанализ, феминизм. М., 2000.
8. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2008.
9. *Делез Ж.* Критика и клиника / Пер с франц. О.Е. Волчек и С.Л. Фокина. СПб., 2002.
10. *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики. / Под ред. Г.К. Косикова. М., 2004.

LITERATURE

1. *Mirskaya L.A. Pigulevskaya V.O.* Wish to say // Rational and non-rational: The Edge of problems (collection of articles). Rostov, 2002.
2. *Epstein M.N.* The philosophy of the body. SPb., 2006.
3. *Jean Baudrillard* Symbolic exchange and death. M., 2000.
4. *Bataille J.* From "Tears of Eros" // Tanatografiya Eros: Georges Bataille and the French thought the mid-twentieth century. SPb., 1994.
5. *Foucault M.* The ethics of self-care as a practice of freedom // Intellectuals and Power: Selected Political articles, speeches and interviews. M., 2006. Part 3.

6. Bart R. The pleasure of the text // Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow, 1994.
7. Zherebkina I. "Read my desire ..." Postmodernism, Psychoanalysis, Feminism. M., 2000.
8. G. Deleuze, Guattari, F. Anti-Oedipus. Capitalism and Schizophrenia. Ekaterinburg, 2008.
9. Deleuze J. Criticism and clinic / Translated from French. O.E. Volchek and S.L. Fokine. SPb., 2002.
10. Kristeva J. Selected Works: The destruction of poetics. / Ed. G.K. Kosikova. Moscow, 2004.

*Московский экономико-статистический
университет, г. Ростов-на-Дону*

10 июля 2012 г.
